

ДЕМ МИХАЙЛОВ

БЕЗ ПОЩАДЫЗ

АСТЕРОИД-СИТИ

Дем Михайлов
Без пощады – 3
Серия «Астероид-Сити»
Серия «Без пощады», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70407388

Аннотация

Последний роман из трилогии о Нортисе Вертинском – юном мстителе, начавшем собственную кровавую вендетту на улицах мрачного и коррумпированного города Астероид-Сити.

Он один против всех. Он ненавидим всеми. Но он не собирается отступать...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дем Михайлов

Без пощады – 3

Глава 1

0.

– А-а-а-ах хорошо мать вашу! А-а-ах хорошо-о-о-о! – безымянный алкаш по жизни и мутант от рождения закатывался в никому не интересных стонах душевного экстаза.

Впервые ему улыбнулась удача. Величайшая удача в его жизни – он наткнулся три трупa и с каждого ему удалось собрать достаточно для полного блаженства.

Недопитая бутылка самогона, два грязных дозера с неизвестным мутным содержимым, пакетик с какими-то дробленными таблетками... Он принял все сразу не раздумывая и запил ударной дозой самогона. Тут и раздумывать нечего – пока медлишь, кто-то может забрать и тогда весь кайф получит он. Ведь так и должно быть – кайф создан для решительных. Для таких как он сегодня.

Волна душного опьянений сменилась ярчайшим взрывом в раздутой головой. Некоторое время он стоял и заморожено разглядывал едва светящийся плафон потолочной лампы.

А затем, сжимая в кулаке пару затасканных денежных карточек, придерживаясь за стенку, потащился на своих исковерканных ногах к ближайшему магазинчику. Он думал, что движется именно туда, а на самом деле слепо кружился по закольцованному коридору полузаброшенного жилмода.

– А-а-а-ах хорошо мать вашу! А-а-ах хорошо-о-о-о! – сто-нал он, скребя трясущейся рукой по серой стене – А-а-ах хо-рошо... и дочке мишку... дочке мишку куплю... а-а-х хоро-шо... куплю...

Он уже собрался на следующий круг, свято веря, что дви-гается к покупкам для давно бросившей семьи, не ведая, что все они умерли в дешевой комнатухе на другой стороне двенадцатого сектора – умерли от ТОРСа и были сожжены за муниципальный счет вместе со всеми пожитками из тех, что не успели растащить тоже заразившиеся соседи. Безы-мянный алкаш этого не знал – да и не хотел знать – но хими-ческая вспышка в его мозгу вдруг породило в деградировав-шем разуме жалкое подобие настоящей отцовской любви, и он шел по кругу, смутно представляя себе эту будущую ши-карную покупку. Оранжевый медвежонок в синем комбине-зоне... Обязательно купит.

Сознанием он пропустил момент, когда в соседнем кори-доре зазвучал частый грохот. Но пещерное подсознание за-метило и направило тело на звук, а затем и на рыскающий по стенам яркий белый свет. Он наконец-то свернул в нужном месте и вырвался из кольца коридоров с протоптанной им

кровью остывших мертвецов дорожкой.

– А-а-ах хорошо-о-о-о! – простонал он и зажмурился, когда его ослепил мощный луч света.

Он не ощутил первого удара, сбившего его с ног. Просто молча упал под ноги стальной громадины боевого экзоскелета «Гордость Марса». Он совсем не обиделся этим ударом – сломавшим ему руку и пару ребер. Ему самому надо было смотреть куда шел – вот и налетел на кого-то...

– Ку-у-уплю... – протянул он с кривой улыбкой, отдирая щеку от пола и... его череп с мерзким треском сплющился под небрежным нажимом стальной ноги.

Не обративший внимания на хрустнувшее под ногами тело, Большой Брат продолжил движение по одному из магистральных коридоров погруженного в мятеж сектора. За ним с куда меньшей охотой тащилась армия подгоняемых бригадами «нулей». С каждым шагом в этих мешках мяса пробуждалось все больше ярости и желания крови. С каждым шагом ведомые ББ «нули» снова начинали ощущать себя главной силой и угрозой двенадцатого крайнего сектора. Ведь с каждым шагом разогнанная быстрым движением кровь несла все больше наркоты в пьянеющие мозги.

Закованный в боевые доспехи Большой Брат отдал приказ, и умная электроника вколола ему уже третий особый боевой коктейль. Тревожно запищал диагност, но он заткнул его одним хриплым приказом и, выведя голос на внешние динамики, повторил свой громогласный лозунг:

– Мы наведем здесь порядок! Мы наведем!

На этот раз взбодренные наркотой «нули», вооруженные игольными винтовками, дробовиками и парой древних, но вполне функционирующих огнестрельных автоматов, ответили куда дружнее и яростней:

– Наведем!

– Босс ведет нас!

– Босс всех положит!

– Большой Брат тут главный!

– Большой Брат! Большой Брат! Большой Брат!

– Да – проревел их лидер, хватаясь за частично опустившуюся аварийную переборку и одним мощным рывком выгибая ее будто картонную – Я тут главный! Я, мать вашу! Я! Валите всех без разбора! Все кто в коридорах, а не в крысиных норах – наша цель! Мы наведем здесь порядок!

Накачанная наркотой и яростным адреналином толпа хорошо вооруженных отморозков двигалась к центральному перекресту в этой области охваченного кровавым мятежом двенадцатого сектора. К перекрестку МК-Р-13, к месту, что являлся транзитным углом по пути к куда более благополучному в социальном плане одиннадцатому сектору.

1.

– Никаких «левых» дронов! – отдавая этот приказ лейтенант Линдрес придерживался строгих норм федеральных за-

кона.

Это четко прописанное во всех сводах и жестко караемое правонарушение – направлять дроны в место проведения полицейской операции. Не счесть случаев, когда любопытные дроны срывали эти операции, приводили к многочисленным жертвам среди полицейских и гражданских.

Поэтому отдавший этот приказ лейтенант Линдрес был в своем праве, но следующим внешне невинным распоряжением он чуток поправил как федеральные, так и корпорационные законы, просто произнеся несколько слов:

– Всем еще раз проверить наличие игл с парализатором!

Само это слово – «парализатор» – не должен был произносить ни один из полицейских при исполнении. А использовать из можно – но при этом данные средства маркированы как особо мощные транквилизаторы, но никак не парализаторы. И лейтенант Линдрес знал это – равно как и сидящий в оперативном центре техник, отвечающий за фиксацию всего происходящего и прямо сейчас вздрогнувший, услышав это режущее ухо слово. Данная фраза означала только одно – через пять-десять минут после того, как она прозвучала, все сопровождающие ударный полицейский отряд дроны слежения должны поймать глюк координирующей их действия спецпрограммы, после чего их придется перезапускать и заново синхронизировать. На это потребуется немало времени, а полицейский отряд ведь ждать никак не может – там в глубине внешнего сектора прямо сейчас гибнут невинные

люди.

В наушниках четыре раза пискнуло – дежурящий техник услышал и все сделает.

Лицо лейтенанта перекорежило широкой злобной ухмылкой – его лицо скрыто шлемом штурмового боевого экзоскелета и можно больше не сдерживать рвущиеся наружу истинные эмоции – как он их не сдерживал в далеком безмятежном прошлом, когда еще был почти мальчишкой. О да... он помнит тут широкую безумную улыбку на своем лице, когда они устроили кровавую веселуху в тех оранжереях... Он помнит ту рвущую его душу дикую радость глумливого ублюдка, свободного от любых норм морали и знающего, что останется безнаказанным...

Да... потом некоторое время пришлось и побояться... а потом последовал и жесткий приказ больше так не чудить, и с тех пор они уже никогда не получали этой абсолютной свободы. Лафа кончилась... но оно того стоило. Да... оно определенно того стоило... Хотя бы потому, что после того дня он больше ни разу не испытывал того безумной силы оргазма как с той хрипящей сучкой в разодранном комбинезоне...

Что ж – за все веселье в этой жизни рано или поздно приходится платить.

И сегодня он заплатит сполна – когда вот этими самыми руками в тяжелых стальных перчатках размолотит чертового ублюдка Вертинского в кровавый фарш...

Да...

Потому он получит пару поощрений и несколько крайне важных строчек в личном деле. И как только это случится, он вернется в этот долбаный вонючий сектор, скажет пару слов любому сутенеру и тот приведет к нему два красивых куска мяса – и он с ними сделает то же самое что и с долбаной Вертинской... а может и похлеще чего придумает. Ему надоело быть хорошим... надоело сдерживать себя изо дня в день и жить этой гребанной обычной жизнью. Годы пролетают со свистом, звезд на погонах прибавляется, денег на счету тоже, но на кой черт они ему нужны, если нет ни капли веселья и приходится следить за каждым своим словом и делом?

Дерьмо! Как же все это надоело...

Так что где-то глубоко внутри в своей скованной цепями гребанной правильности душе он даже рад, что Нортис Вертинский вернулся из небытия, встал на свои стальные ножки и начал убивать. Он даже рад. Его возвращение будто какое-то реле в его мозгу перемкнуло, и он снова захотел жить... жить по-настоящему... ни в чем себя не сдерживая...

Копы в тяжелой экипировке едва поспевали за лейтенантом, почти бегущим к последним координатам, где видели спятившего киборга. Кто-то начал отставать и поэтому поспешил взбодриться уколами корпорационного средства «Служба-Т7», после чего у них резко прибавилось прыти, а вот эмоций наоборот стало куда меньше.

Через пару минут в наушниках снова четыре раза пик-

нуло. Два идущих в арьергарде дрона вдруг закрутились и ударились о стены. С потолка упал малый паук. Одна из камер на стене перестала наводиться на движение и ее огни потухли. По коридору сзади и спереди катилась волна слепоты. Еще через несколько секунд лейтенант отдал следующий приказ:

– Взбодрились все!

Еще одна кодовая фраза была приказом вырубить все закрепленные на экипировке записывающие устройства, что также являлось нарушением всех федеральных и корпорационных законов.

Да плевать!

Улыбнувшись еще шире, так, что даже щеки заболели, лейтенант Линдрес, один из столпов нравственные Астероид-Сити и пример для подражания, отдал третий приказ:

– Веселее!

И тут же защелкали сменяемые патроны в оружии полицейских – их заменили вынутые из подсумков запретные патроны с яркой красной маркировкой. Летальное оружие – без вариантов. Даже ранение в конечность или просто касательное гарантировано приводит к смерти.

Ведомый лейтенантом Отряд миновал жилой квартал, что примыкал к буферной стене одиннадцатого сектора и считался одним из самых благополучных в этой клоаке. Лейтенант ориентировался по навигатору, остальные шли за ним, обходя трупы и еще дымящиеся пятна сажи от самодельных

коктейлей Молотова. И поэтому никто не обратил внимания на никому неинтересную едва видимую надпись, оповещающую, что они приближаются к транзитному перекрестку МК-Р-13.

2.

Сестренка одобрительно улыбалась ему.

Она сидела на отброшенном к стене треснутом пластиковом столе, весело болтала покрытыми глубокими ранами ножками и одобрительно улыбалась ему – своему наконец-то начавшему выполнять свою давнюю клятву старшему брату. Между ее как всегда нарочно собранных так, чтобы торчать под разными углами вверх косичках бегали по светящейся нити красные и зеленые огоньки – сестренка всегда любила быть яркой и вечно всех уверяла, что однажды станет величайшей кинозвездой. Утерев с щеки бегущую кровь, она вдруг перестала на миг улыбаться и с удивительной серьезностью кивнула ему, указывая сломанной в нескольких местах правой рукой на темноту коридора впереди.

Тяжело проходя мимо, он тоже кивнул ей. И даже улыбнулся в ответ, хотя и знал, что вряд ли ей понравится эта улыбка, исходящая с бледного лица с уродливыми черными визорами глазных имплантатов. Он улыбнулся и чуть отшагнул в сторону, чтобы не задеть снова засмеявшуюся сестренку испачканным в чужой крови тесаком...

Углубившись в коридор, он не выдержал и обернулся – и она снова беззвучно засмеялась и радостно замахала ему все той же изломанной рукой. Отвернувшись, он снова кивнул и, не обратив внимания на вжавших в стену двух перепуганных женщин в разорванной одежде, пошел дальше, со скрежетом ведя по полу концом тесака. За ним следом катился старый, но прекрасно отлаженный гусеничный АКДУ. И когда Нортис обернулся еще раз, он уже без удивления обнаружил, что его неугомонная младшая сестренка успела забраться на крышку АКДУ и теперь катится за ним следом, задумчиво рисуя на холодном металла радостный кровавый смайлик...

3.

– Господь указал мне путь! А я укажу всем вам! Истину говоря я, братья – я укажу вам верный путь! – пообещал Мика Доза, бывший святой отец Микаил, в недавнем прошлом умирающий наркоман, а ныне прозревший и просветленный глашатай смерти – «Нули» – от дьявола! И посему они должны пасть! «Нулей» в пекло! Вот чего хочет от нас Господь! «Нулей» – в пекло!

– «Нулей» – в пекло! – отозвалась окружающая его многочисленная толпа.

Буквально за последние минуты толпа выросла в несколько раз. Количество идущих за трясущимся в лихорадке Ми-

кой Дозой продолжало увеличиваться быстрыми темпами. И чем больше прибавлялось людей в толпе – тем решительнее они становились и тем быстрее шагали.

Чего не могли знать воодушевленные полубезумным проповедником и хорошо разгоряченные алкоголем мятежники, так это о появлении в их рядах выглядящих такими же оборванцами, но на самом деле куда более крепких и жестких мужчин разных по внешности, но с удивительно одинаковыми темными взглядами готовых на все людей. Они хрипло вопили и раскачивались, с готовностью принимали пластиковую тару с бухлом, делали вроде как большие глотки и передавали дальше по кругу. С еще большей охотой они вопили «Нулей в пекло!» и одобрительно выли в потолок и неумело крестились. Они могли бы и не стараться – опаленные алкоголем и давно сдерживаемой злобой разумы шагающих за Микой не замечали никого и ничего кроме проповедника и клочка коридора впереди.

Но им пришлось переключиться на иные цели, когда в ухе одного из крепких мужчин с темным трезвым взглядом из микрофона прозвучала короткая команда. Он тут же передал ее остальным, перекинул в левую руку служащую дубиной стальную ножку стула, вытащил из-за пояса игольник с раздутым барабаном и... молча начал стрелять. Тяжелые стальные иглы с бешеной силой впивались в идущие впереди тела, прикрытые лишь рваньем, пробивая мясо и кости, пронзая внутренние органы. Один из другим кричащие пья-

ные фанатики начали падать. Некоторые молча, другие успевали вскрикнуть и выгнуться, схватиться за спину. А затесавшиеся в толпу чужеродные элементы продолжали стрелять, буквально выкашивая все живое впереди и по сторонам. Через полминуты барабаны с иглами опустели, а на полу застыло несколько десятков мертвых и умирающих людей. Стал жиде грозный общий рев. Оторвавшаяся от вымершей середины головная часть толпы почуяла неладное – не все, но многие, ощутившие, что за ними никто больше не идет и обернувшиеся. То, что они увидели, вызвало мгновенное протрезвление и шок – широкий коридор сплошь завален лежащими вповалку телами, кто-то еще дергает, сипит, плюется кровью, а над ними стоит десяток парней и торопливо перезаряжает игольники, вставляя магазины и заменяя баллончики.

– Сволочи... твари – выдохнула одна из женщин, изумленно глядя на свою пробитую в двух местах руку – Вы же наши... вы же с нами... вы... вы против них...

– Сдохни, сука! – пьяно улыбнулся ей в лицо один из стрелков, вскидывая игольник и вжимая спуск – За Нулей!

Машинка смерти щелкнула лишь раз и ее заклинило. Получившая иглу в грудь женщина медленно оседала с перекошенным удивленным лицом, тяня к убийце окровавленную руку.

– Демоны-ы-ы! – закричал очнувшийся от ступора Мика Доза, сидящий на плечах здоровяка – Убийцы-ы-ы!

Этого клекочущего надрывного крика было достаточно. Взревевшая поредевшая толпа бросилась на стрелков, а те вдруг поняли, что своей работой палачей они вырезали «средку» и тем самым оказались в центре бойни, зажатые уже бросившимися в атаку врагами.

Секунда... и не успевшие отщелкать даже по пятку иглу игольники умолкли, когда их владельцев сбили с ног удары дубин и тесаков. На стены полетели брызги крови и ошметки мозгов из разрубленных черепов. Из рассеченного уха выпала горошина микрофона и была раздавлена старым рабочим ботинком.

Когда хрипящие люди отхлынули и пошедшие за вдруг прямо ожившим вновь проповедником, коридор за ними выглядел филиалом ада. Убийственные иглы редко вызывают обильные кровотечения. А вот там, где поработали шипастые дубины и тяжелые тесаки... там крови всегда много. Разлившаяся кровь испятнала и чистеньких мертвецов. Красным лило даже с потолка, а по полу все дальше растекались кровавые ручьи. Несколько до крайней степени озлобленных, но еще сохранивших остатки разума мужчин торопливо обобрали трупы, забрав игольники, боеприпасы и длинные стальные ножи.

Уменьшившаяся, но получившая новое вооружение мятежная толпа окровавленным сгустком ярости втянулась в пару узких коридоров, подобрав по пути пару десятков пьяных и желающих убивать. Снова разбухнув, благополучно

пережив попытку истребления, выходя уже не скоплением разумных людей, а неким самостоятельным уродливым организмом, ведомые проповедником продолжали свой путь...

4.

– Божечки... – сжавшаяся перед экранами девушка в потемневшей от пота униформы не выдержала и отшатнулась от не слишком четкого, но все же ужасного изображения – Что они делают... что делают...

– Тише! – шепотом рявкнула ее побледневшая, но еще сохраняющая самообладание начальница – Действуй по протоколу, Нэнси! Строго по протоколу! Мы на чрезвычайном положении!

– Там «нули»... это ведь «нули» всех начали убивать? Божечки...

– По протоколу – повторила ее начальница, Татьяна Вацкая, проработавшая на этом допотопном посту так долго, что успела ощутить вонь своей умершей и начавшей разлагаться мечты о карьере и переезде в десятый сектор.

Крохотная жаркая комнатка с трудом вмещала в себя два стола и шесть больших старых экранов, греющихся так сильно, что их можно было спутать с печами. За стеной находилась крохотная серверная, куда стекались данные уцелевших камер наблюдения с половины «внешнего» сектора. Их пункт надзора являлся пережитком. Намеренно внедрен-

ным в систему реликтом, где посменно работали шесть человек. Все женщины, одна начальница. Всех их могла легко заменить простая команда передача наблюдения управляющему городом ИскИну. Вот только никто этого делать не собирался. ИскИн сохранял доступ к органам надзора, но его права были настолько урезаны, что он не мог бы считаться даже обычным пользователем. Скорее наблюдающим в щелочку... Если происходило что-то значимое, в дело вступал протокол и нужное видео отправлялось в служебную сеть. В результате допотопная система приносила больше вреда, чем пользы. Но никто не собирался от нее избавляться. Официально это мотивировали заботой о жителях – ведь каждая из работниц получала заработную плату, соцпакет и жилищные льготы. Неофициально – подобная система полностью отменяла публичный доступ к камерам наблюдения, что не позволяло простым жителям и гостям Астероид-Сити узреть весь тот кошмар, что творился в коридорах проклятого Двенадцатого сектора. И эта же система не отправляла требуемых запросов на закупку новых камер, пожарных сенсоров, датчиков контроля качества воздуха и замера радиации... Да кое-какие запросы отсылались и даже удовлетворялись, но закупленное никогда не добиралось до «внешнего» сектора, мгновенно продаваясь «налево».

Обычно оба пункта наблюдения практически не функционировали, автоматом передавая всю информацию на ближайший полицейский сервер. Но как только в секторе вспых-

нул мятеж, как только все шлюзы были заблокированы, а аварийные переборки опущены, эти две комнатухи получили особый приказ и перешли в особый режим работы. Вся информация продолжала протекать сквозь них, но теперь она шла не на полицейский сервер, уходя по совсем иному каналу в неизвестное им место. А они сами перешли в режим ручной фильтрации всех происшествий, перед тем или иным действием сверяясь с отпечатанным на пластиковых листах протоколом.

Этот случай подпадал под категорию насильственных преступлений массового характера и подлежал отправке на переставший получать непрерывный поток данных полицейский сервер...

Так человеческий испуганный и по сути своей ни в чем невиноватый фактор из шести работниц надежно стоял на страже правящей корпорации НЭПР, десятилетиями скрывая творящийся здесь ужас...

– По протоколу, Нэнси – повторила Вацкая, утирая платком взмокший лоб.

Они все истекали потом – вентиляция давно не работала, а пара вентиляторов едва справлялась. Кое-как помогала приоткрытая дверь в серверную, где работала своя систем охлаждения, но все равно в надежно запертом пункте контроля было невыносимо жарко и душно.

Чуть оправившаяся Нэнси кивнула и потянулась к клавиатуре. Прошло больше десяти минут, а видео новой крова-

вой бойни все еще «висело» в буфере. Участники массового убийства давно ушли дальше – и, возможно, прямо сейчас продолжали убивать, а видео их преступления все еще не было отправлено. Она защелкала клавишами, с каждым щелчком напоминая себе, что ее работа очень важна, что она спасает жизни и докладывает о преступлениях. Ее работа очень важна...

Пронзительный звонок заставил ее подпрыгнуть и вскрикнуть. Они обе в испуге обернулись и на светящемся экране у входа увидели показанное сверху пространство у двери. Там переминался тяжело дышащий пузан в сером комбинезоне с черными нашивками на плечах.

Вацкая недовольно поджала губы и нервно передернула плечами. Этого еще не хватало. Томас Собаччи. Мерзкая сволочь, что вечно норовила забраться им под юбку, хотя вот уже больше года он даже не глядел в ее сторону – что еще сильнее подбешивало, ведь это означало, что она состарилась и подурнела внешне настолько, чтобы не больше не интересовать этого похотливого козла. Томас Собаччи, произносящий свою фамилию с гордостью, ведь он вел род от чуток даже знаменитого шахтного инженера Собаччи, в честь которого названа улица в Девятом секторе. Томас Собаччи, совмещающий в себе сразу две важнейшие для них должности – старший по служебному ЖилМоду и куратор обоих постов наблюдения. Их мелкий царь и бог. И одновременно давно купленная с потрохами шестерка терроризирующих

сектор «нулей».

В очередной раз ткнул пальцем в клавишу интеркома, Томас приблизил жирную небритую харю к микрофону и в нарастающей визгливой ярости прохрипел:

– Эй?! Отвечайте!

Очнувшаяся Вацкая подбежала к экрану, с досадой отмечая, насколько тяжелые у нее движения. Нэнси продолжает порхать... а вот она уже переваливается как утка.

– Да, господин Сабаччи! Открыть дверь?

– Какого черта ваши браскомы не отвечают?!

– Протокол... частные устройства связи подлежат блокировке и помещению в специальный контейнер...

– Твою мать! Да знаю я! Слушай сюда!

– Да, господа Сабаччи? Но вы могли связаться через служебный терминал...

– Тихо! – рявкнул он и, убедившись, что его слушают, продолжил – На камеру попало происшествие с массовой... дракой, случившееся несколько минут назад?

– Да... ужас... мы как раз сейчас отправляем его в...

– Эй! – он не кричал, а шептал в микрофон – Вы знаете, что делать! Живо!

– По протоколу...

Он повторил свой любимый оклик:

– Эй! Тупые совсем? Я же сказал – вы знаете, что делать.

В его случае это означало два простых действия – удалить и забыть. Это полное нарушение протокола, но они настоль-

ко боялись жестокого и связанного с бандой Собаччи, что не могло быть и речи о возражении и сопротивлении. Покорись и сделай. Так проще. Так проще...

– Я поняла и... ой!

Ойкнула она от новой неожиданности – на плечо дернувшегося Томаса Сабаччи упала чья-то тяжелая рука. Вперед шагнула безликая фигура в черном боевом скафандре. На камеру уставилось непроницаемое черное забрало боевого шлема, а уверенный мужской голос отдал короткий приказ:

– Открыть дверь. Немедленно.

– По протоколу...

– Служба дознавателей, мэ! Это приказ! Откройте дверь...

Стоящий столбом, мигом взмокший и побелевший Томас Сабаччи мелко дрожал и боялся шелохнуться. Он знал, что лежащие у него на плече пальцы одним небрежным сжатием способны превратить его кости в пропитанную кровью костяную пыль. А все, о чем он мог думать, так это о только о браскоме, что прямо сейчас кто-то ловко снимал с его руки. Там столько всего не удалённого... там столько не подчищенных грешков...

– Ты прав – сухо произнес стоящий за его спиной дознаватель – Тебе конец, придурок...

– М-глам... – только и сумел выдавить пузан, после чего снова затих.

Дверь наблюдательного пункта щелкнула разблокирован-

ным замком и приоткрылась. Внутри вошло двое, а третий развернул трясущегося пузана и вдоль стены куда-то повел...

Глава 2

5.

Ни один из ведущих в русскоязычный «кластер» из двух жилых кварталов, находящейся между ними общей зоны рекреации и многочисленных коридоров не сохранил функционирующей наблюдательной аппаратуры. Так мог бы сказать – куда более косноязычно и матерно – любой из здешних доходяг, обитающих внутри дармовых палаток прямо в коридорах и внутри бывших технических и аппаратных комнат. Доходяга мог так заявить и мог с той же уверенностью утверждать при самом суровом допросе – нет там камер наблюдения! Все давно уничтожены, а заменять их никто не торопится! И это было бы простительной из-за незнания ошибкой.

Камеры имелись. Не совсем современные, но в меру умные, регулярно обслуживаемые, установленные грамотно и без мертвых зон, способные без потери качества надежно просматривать доверенную им зону при любой степени освещенности и, сам собой, в полной темноте. Все данные с камер напрямую поступали к независимому и абсолютно незаконному серверу с бывшим корабельным ИскИном, чья старая модель отличалась практичной приземленностью суж-

дений, не обладала развитой эмоциональной матрицей, не стремилась кому-то понравиться и ни о чем кроме сохранности собственных систем не заботилась – да, в те времена приоритеты жадных корпораций были точно такими же как и сейчас. Сначала спасти корабль, потом дороговую электронику с ИскИном – и только затем экипаж. Но если оборудованию ничего не грозит – люди выходили на первый план и в их число входили все без исключения обитатели надежно защищенного кластера.

И первым уровнем защиты кластера являлись столь же незаконные решетчатые ворота, вставшие в метре от места, где внутри стен находилась давно не работающая аварийная переборка. Ее испортили намеренно – сами здешние обитатели, что всегда отличались здоровой подозрительностью и понимали главное – перекрой кто все стальные переборки и весь кластер окажется в тюрьме. Поэтому на всякий случай тут имелись и способные прорезать самый тугоплавкий металл резаки. Ну а решетчатые ворота поставили на всякий экстренный случай – и как раз сегодня они пригодились. Эти же подозрительные славянские умы, традиционно мало кому доверяющие, озаботились поиском и других менее явных ходов, и лазеек, не забыв надежно скрыть их и держать под присмотром. А на виду остались решетчатые ворота, обычно гостеприимно распахнутые, но сейчас запертые на стальной засов и обмотанные толстой цепью.

Именно о ворота ударился всей массой пущенный впе-

ред старый электропогрузчик. Два стальных лезвия выгнули несколько решетин, застонал дистанционно управляемый механизм, ворота начало со скрежетом поднимать. Через несколько сантиметров подъема они уперлись в потолок и металл решил спорить с металлом о прочности – ворота в споре проиграли и начали медленно выгибаться. Задымивший подъемник завонял паленой проводкой и полыхнул от перегрузки. Сработавшая система пожаротушения мгновенно сбила пламя, и воняющая машина замерла стальным трупом, выполнив главную задачу – пробить небольшую лазейку внутрь русского кластера.

Первыми в выгнутую арку один за другим нырнули тяжело дышащие от тяжести громыхающих стальных и пластиковых щитов штурмовики в бронежилетах, разноцветных шлемах и запрещенным всеми законами огнестрельным оружием. Первым делом один из них выстрелом из дробовика изрешетил старую зеленую палатку и радостно загоготал. Но его веселье длилось недолго – влезший следом пинком сбил стрелка с ног, нагнувшись, откинул ему забрало, упер ствол игольника в выпученный глаз и прошипел:

– Я ведь тебя предупреждал! Не шуми раньше времени, придурок!

– Прости! Прости, Хмауль! – нервно дергаясь и не в силах остановить рвущееся из рта хихиканье, забормотал стрелок – Просто захотелось... вот и...

– Пристрелил бы... да ты и сам сдохнешь! Давай вперед!

– Спасибо, Хмауль! Спасибо, бро! Ты всегда был за меня. Вот и сейчас подписал на это дело...

– Живо, мать твою! – рявкнул Хмауль и подскочивший стрелок заторопился к уже двинувшемуся по коридору первому ряду вторгшихся в чужой кластер бойцов.

Сам Хмауль, хоть и вошел одним из первых, остался на месте, придерживав рядом с собой и безликого штурмовика со стальным щитом. Толстенная изогнутая стальная пластина не была самоделом – ее выпустила из-под формовочного пресса знаменитая оружейная компания Ремингтон Ассаулт, настолько старая, что по слухам была основана еще на праматери Земле и за время свое существования пережившая сотни государств и планетарных колоний, попутно снабдив их войны собственным оружием и снаряжением. Таких как Ремингтон Ассаулт хватало, но старых оружейников продолжали ценить не за их беспринципность, а за дешевизну и простоту товара. Двадцатикилограммовый щит был слишком тяжел для почти обычной гравитации Астероид-Сити, но он разрабатывался не для планет и астероидных поселений. Этот щит был одним из десятков тысяч своих близнецов предназначенных для космических абордажных и контрабордажных операций, где первым делом переводят на пониженную мощность гравигены. Толстый щит из особой стали порой был единственным способом уберечься от точных крупнокалиберных очередей штурмовых дронов...

Все эти мысли сами собой всплыли в напряженно ра-

ботающей голове того, кого все вошедшие знали под именем Хмауля, пока он сам осторожно пятился, прикрываемый стальным щитом. Опять нырнув под искореженные ворота, он в коротком броске добрался до опустевшего грузового электрокара, уселся за руль, дождался, когда в машину запрыгнет его безликий спутник с огромными перекачанными ручищами и вдавил газ, торопясь убраться с опасного места.

Иллюзий Хмауль не питал.

Набранные им из когда-то и что-то представлявшего из себя отребья штурмовики не протянут долго, тут можно даже не сомневаться. Но этого и не требовалось. У вошедшего внутрь отребья была лишь одна задача – сдохнуть. И Хмауль был уверен, что уж с этим придурки вполне сумеют справиться...

6.

Грозный с виду, но гнилой внутри отряд псевдо-штурмовиков прошел по направлению к жилому кварталу еще метров сто. Затем они все умерли. Сначала из пройденной ими амбразуры вентиляции ударило две очереди, крест-накрест хлестнувшие по отряду. Стреляли не иглами – пулями. И метили не в бронежилеты, а по ногам. В результате с воплями упали все – кто-то от ран, кто-то с испугу. Еще одна очередь добавила ран и обреченности, а через несколько секунд стенная панель вылетела и в коридор с озверелыми криками

выскочило четверо мужчин с огнестрельным оружием. Они добились почти всех еще живых, а парочку самых крикливых подхватили под руки и утащили в темноту.

Следом из скрытого панелью помещения появилось больше десятка вооруженных парней, похватавших трупы и деловито утащивших их прочь. В коридор вкатилась старая модель пузатого дрона-уборщика с насмешливой надписью «Самовар-Пыхтелыч-6», принявшегося за влажную уборку. Кровавые разводы быстро исчезали в жадно булькающем пузе дрона, стенная панель вернулась на место. Когда через пару минут по коридору пробежала группа озабоченных мужчин в засаленных комбинезонах, спешащих оценить повреждения ворот, даже самый придирчивый взгляд не сумел бы увидеть в этом отрезке коридора ничего подозрительного. Разве что свежих царапин добавилось на стенах и полу. Но даже если и укажут на них пальцами – что с того? Да и кто будет тут расхаживать и приглядываться?

7.

– Хма-а-ауль! – провыл трясущийся чернокожий наркоман, с ужасом глядя на свои перетянутые жгутами израненные ноги – Мне бы к доку... мне бы к доку...

– Хмауль? – тихо переспросил седобородый неприметный дедок, сидящий на лавке у двери и неспешно потягивающий крепкий сладкий чай из треснутой чашки – А что еще зна-

ешь?

Один из крепких парней врезал наркоману и тот покати-ся по полу, оставляя красные пятна.

– ХМАУЛЬ! ХМАУЛЬ! ХМАУЛЬ НАНЯЛ! – заорал он, корчась от боли – Дока... дока бы! Или дозу!

– Дайте ему – кивнул дедок и к шее наркомана прижался многоцветный дозер из помутневшего пластика.

То, что содержалось в дозере не назвал бы чистой смесью никто – даже самый конченный наркоша. Но эта смесь была не для своих «домашних» наркоманов-бедолаг, а для чужих – а тех не жалко. Получивший приход химического кайфа израненный доходяга забыл о своих ногах и торопливо заговорил, стараясь вспомнить каждую мелочь. Вот только вспоминать ему особо было нечего – он назвал лишь пару чудом вспомненных имен да увиденную мельком блестящую черную машину. Закончив, он утер сопли о плечо и робко улыбнулся внимательному слушавшему дедку.

– Все? – уточнил тот.

– Все! – облегченно выдохнул наркот и через секунду умер от короткого выверенного удара ножом в сердце.

Когда он затих, убивший его мужчина средних лет повернулся к старику и мрачно произнес:

– Хмауль из макаронников. Это прозвище.

– Слышал о таком – кивнул задумавшийся дедок.

– Получается итальяшки на нас поперли? Под шумом решили разобраться с нами?

– Чушь! – буркнул старик и, оставив чашку, поднялся, опираясь на потемнелую от возраста деревянную трость – Подстава это. Кто-то хочет столкнуть нас лбами с макаронниками. И не пожалел ради этого дела нескольких сотен крестов.

– А если все же итальяшки?

– Ты, Семен, соображать так и не научился, вижу...

– Пап...

– Не папкой мне тут... Сам подумай – кто бы в здравом уме решил, что такими силами нас можно взять? Это чья-то мелкая пакость – и не слишком умелая. И от этого обидно чутка...

– Почему?

– Ну раз они рассчитывали, что мы клюнем на приманку и пойдем крошить итальянцев – значит, считал нас дураками. А это обидно. Надо бы отыскать этих негодяев. И дать им почитать Достоевского – там, где про топор. А затем показать на практике. Понял меня, Семен?

– Понял. Найдем. Покажем. А с макаронниками что?

– А с ними я сейчас свяжусь и поговорю. Раз укололи нас – уколуют и их, выставив все так будто русские Ваньки атакуют.

– А Хмауль?

– Он ли это был? Если верить покойным – дедок безразлично взглянул на три вытянувшихся на полу трупа – То этот Хмауль раз семнадцать свое имя повторил. Он же не глухих нанимал. Тупых – да. Но не глухих. Опять же, если нанима-

ешь таких никчемных, значит, нанимаешь втемную – так зачем имя свое орать во всеуслышание?

– Я понял.

– Усиль охрану периметра. Убедись, что все наши внутри. Отправь квартальных – пусть считают прямо по головам. Всем что-то услышавшим поясни доходчиво – итальяшек мы уважать не уважаем, но ни в чем не виним. А как разберемся – расскажем всем что да как. Понял?

– Да.

– Выполняй... И чтобы никто из наших наружу не совался! Сообщили мне тут, что вошел ударный отряд полицейских – и ведет его сам бравый лейтенант Линдрес...

– Вот дерьмо...

– Рот!

– Прости, пап...

8.

Перекресток МК-Р-13 всегда был одним из примечательных мест «внешнего» сектора, благодаря своей близости к шлюзам одиннадцатого. Большое пространство, некогда запланированное не только как транспортный узел, но и как пешеходная и рекреационная зона, он представлял собой квадратный пятачок, где должна была расти живая трава и пара деревьев, а по четырем сторонам тянулись ленты тротуаров и дорог. Создававшие проект Астероид-Сити архи-

текторы подразумевали, что проход между секторами будет свободным и искали способы увеличить количество шагов для населения, придумывая сквозные тропы. Вот только шлюз был заблокирован с момента своей установки, открываясь лишь изредка, на прогулочную тропу всем было плевать, а природный пяточок был зеленым лишь однажды – когда рванула одна из цистерн с аэрозольной краской на проезжавшей мимо платформе. Но место не пустовало – тут всегда толпилось от нескольких десятков до сотни плотно стоящих работяг, надеющихся получить дневную работу в соседнем чуть более богатом секторе. Иногда останавливающиеся платформы подбирали нескольких из них и увозили сквозь шлюз к вонючим коллекторам и полным крыс темным техническим коридорам, куда боялись соваться даже самые отчаянные. Толпа здесь не редела никогда – Астероид-Сити жил и исторгался круглосуточно.

Но сейчас на знаменитом перекрестке МК-Р-13 не было ни единой души – что, возможно, случилось в первый раз за всю историю астероидного города с момента его постройки. Пустовал не только замусоренный пяточок в центре – были пусты и дороги. Лишь пара пакетов трепетали на пришедшем из главного коридора ветру – трепетал так, как в дорожных фильмах трепещет тревожно трава в штормовых порывах...

Первыми в коридор вошел полицейский отряд. Они пришли от одиннадцатого сектора, наполнив воздух тяжелым

топот брони, лязгом гусениц вспомогательных АКДУ и нарочито басовитым рокотом мощного двигателя оперативной машины-штаба, могущей быть почти бесшумной при нужде. Но сейчас копы не таились – они жаждали вновь напомнить гребанной окраине кто здесь хозяин. Они желали видеть, как двуногие крысы трусливо разбегаются при одном лишь взгляде на бравых и беспощадных служаков.

Метр... еще один...

Идущая в центре построения машина достигла пяточка, начала проходить мимо бокового коридора и... оттуда выплеснулась ревушая толпа. Копы и внешники столкнулись неожиданно друг для друга. Никто не успел отдать приказа или даже осознать случившееся. Первые выстрелы с обеих сторон прозвучали уже через секунду, а еще через мгновение на пол упали первые окровавленные тела. Ничем не защищенные пьяные и обдолбанные наркотой работяги ощущали боль как нечто смутное и в чем-то даже вполне привычное. Они и раньше не особо цеплялись за постылую жизнь, а сейчас, на миг ощутив себя властелинами своих судеб, они были полны той безумной отвагой, что впору берсеркам древних времен. Смерть друзей их не остановила – они, принимая телами десятки игл, теряя слух и зрение из-за разрыва светозвуковых гранат, навалились на фланг полицейского отряда и сначала продавили его, а затем и прорвали. Как только первое тяжелое автоматическое оружие перешло из рук коррумпированного закона в дрожащие от передоза лапы уми-

рающего мута... он даже задумываться не стал. Просто направил ствол в одну из сторон и вжал спуск, с воплем опустошая трехсотзарядный картридж. В него вонзались ответные иглы. Одна из них пробила правый глаз и он, полуослепший, упал на одно колено, продолжая стрелять в то время, как вокруг набирала обороты бойня.

– Остановитесь! Приказ!

– Мика! Мика! Мика! – ревели умирающие люди, один за другим осекаясь и падая, чтобы уже больше никогда не подняться.

– Полиция! Прекратить сопротивление! – динамик оперативной машины разрывался, но его никто не слышал.

Воздух наполнился едким густым дымом и испуганными криками – копы, несмотря на тяжелую защиту, получили первые серьезные ранения, а некоторые уже умирали. А полицейские Астероид-Сити умирать не привыкли – для них это было в новинку и новые ощущения по душе не пришлись. Работяги и муты, уроды и калеки, нищие и обдолбанные, дрались ожесточенно и до конца – даже с проломленными головами и пробитыми животами они продолжали цепляться за ноги копов, втыкать в уязвимые места заточки, прокручивая их в ранах. Они, будто им кто подсказал, валила копов, придавливали их же собственными щитами. Затем кто-то либо вбивал тонкий источенный нож в ненавистную глотку, либо находил фиксаторы и откидывал забрало, а третий наносил удар стальной трубой, мудро вбивая ее пыром в вы-

тарашенный глаз...

Еще полминуты...

И по колышущейся дымной толпе ударило бортовое оружие штабной машины. Она выкосила треть толпы, мимоходом продырявив в десятке мест истощенную коленопреклонённую фигуру проповедника Мики Дозы. Он, наркоман, бывший священнослужитель, безумец и кумир, умер почти мгновенно, успев странно улыбнуться продырявленным лицом, а затем мягко подался вперед и уткнулся лбом в залитый кровью пол.

– Убили!

– Отца убили!

– Убили отца святого!

Хриплый и уже угасавший рев поднялся с новой силой. Вновь ударили ножи. Хлестнули по ушам редкие выстрелы огнестрела – причинившие куда больше ранений, чем легкие пластиковые иглы. Но копы давили. Сплотившись вокруг машины, сжавшись в прочный кулак, они ударили в толпу и отбросили ее назад. Те, истощенные, никогда не имевшие достаточно сил, уже не могли продолжать сражаться и начали падать, покорно подставляя головы под тяжелые стальные кулаки.

Секунда до победы закона... секунда до усмирения тварей...

– Прикрывайте машину с лейтенантом Линдером! – рявкнул сержант, спешно перезаряжаясь.

Он знал, что его слышат – и знал, что ему зачтется эта верность.

– Давайте, парни! Добивайте этих ублюдков! Мы справились!

И в это мгновение на перекресток явилась третья сила.

Выплеснувшиеся Нули были готовы ко всему – в том числе и к переговорам с копами. Ведущий их Большой Брат никогда не был дураком. Скотом и ублюдком – да. Но не дураком. Он успел раз тридцать повторить о запрете нападения на полицейских. Да они были готовы к переговорам... которые так и не начались – разгоряченные первой еще не угасшей огненной встречей копы повернулись на шум и... открыли огонь на поражение. Один за другим массивные фигуры в поклеванных иглами доспехах разворачивались и торопливо стреляли в прущую на них темную людскую массу, приняв их за подкрепление бунтовщиков. Нули, осатанев от такого зубодробительного приема, ответили ударом на удар, а вооружены они были совсем не маломощными игольниками. По полицейским хлестнули автоматные очереди! Тяжелые стальные пули одна за другой находили своих жертв. Несколько крутящихся предметов пролетели над головами бандитов и упали среди копов. Один из полицейских взглянул себе под ноги и судорожно сглотнув, увидев покачивающуюся на полу гранату оборонительного типа. Он такие видел только в фильмах... в следующую секунду взрыв оторвал ему ноги и заодно убил еще семерых лежащих вповалку ра-

ненных мятежников и копов.

– Прекрати-и-ить! – этот крик раздался разом с двух сторон.

С лязгом разошлись двери тяжелой машины и на пороге показалась огромная фигура лейтенанта Линдреса в боевом доспехе. Ему навстречу шагнула фигура куда большего объема. Мгновение страж закона и матерый бандит мерялись взглядами сквозь непроницаемые темные забрала боевой брони, в то время как продолжалась стрельба. Они успели понять ошибку, но исправить уже было ничего нельзя...

Следующие взрывы усугубили проблему и поставили «нулей» вне закона. Отныне их ничто не спасет – и Большой Брат понял это. Не помогут связи и деньги. Копы ненавидят убийства себе подобных. И они не поймут того, кто попытается остановить их от справедливого воздаяния. Понял это и Линдрес, поднявший руки со встроенным оружием и открывший огонь. Большой Брат – фигура немалая. И доход они приносили огромный, угнездившись чуть ли не в каждом секторе. Но жирному главарю придется сегодня умереть, а ему придется с привычной широкой улыбкой получить на грудь очередную медаль, зная, что вскоре на замену этому жирному ублюдку придет следующий... Что ж – почему нет? И...

– Это еще что?

Пошатнувшийся Линдрес тяжело наклонился и взглянул на свои облитые сталью ноги. На левой висел однорукий тря-

сущийся старик с красным от крови лицом. Он грыз колено лейтенанта гнилыми зубами, потеряв уже половину из них. А правая... к правой стопе приникла какая-то непонятная хреновина с болтающимся лысым хвостом. Огромная крыса? На него напала огромная крыса? Рваная шкура идет странными складками – там сползает порой с плеч слишком большая куртка. И что эта тварь может противопоставить сложной и хорошо защищенной стальной ступне доспеха, способной легко выдержать даже взрыв пехотной мины под усиленной подошвой? В дыре мелькнула блестящая сталь, сверкнули искры...

Что за?

– А-А-А-А-А-А-А-А! – выгнувшийся от пронзившей его дикой боли лейтенант закрутился, затопал.

Стрельбу он не прекращал, успев заметить, как шатающийся под очередями, прикрывающийся бронированными руками шар Большого Брата, уходит обратно, прикрывая собой выживших и продолжающих огрызаться «нулей». Дернув ногой, попытался стряхнуть повисшую на ноге тварь, но не преуспел и боль вдруг стала еще сильнее... Заорав, он опустил стволы и по крысиной шкуре ударили две частые очереди. Затрясшийся от частых попаданий киборг выпустил электроразряд и крик лейтенанта Линдреса резко оборвался, когда электричество прошло по стальному телу, затем по вошедшему в стык между броневыми пластинами сверлу в пасти киборга и ударило в просверленную ногу из

плоти и крови. Получивший разряд лейтенант рухнул как подкошенный, ударившись о борт машины, съехав по ней и придавив двоих подранков из своих. Пока те задыхались под тяжелой тушей, остатки «нулей» вытянулись в левый коридор, оставив на полу десятки трупов. Выжившие мятежники, прихватив с собой истерзанное и истоптанное тело проповедника Мики ушли в правый коридор, не забыв похватать оружие и щиты.

На перекрестке осталось шестеро еще стоящих на ногах израненных копов. Один из них, помощник Линдреса, отличавшийся быстрым мышлением, отдал правильный приказ, но его просто никто не услышал. Опустошенные случившимся мужчины и женщины замерли, глядя на десятки тел под ногами. Кровь текла ручьями, унося темные кровавые сгустки в решетки. Кто-то еще дергался, медленно затихая. Пришлось помощнику самому подавать сигнал на открытие двери – для чего пришлось ввести длинный шестизначный код, известный из всего отряда самому Линдресу, ему лично и помершему Диггерсу. Вон он лежит с почти отрубленной головой...

– Дерьмо – прохрипел сержант, щелкнув запорами, стащив шлем и жадно вдохнув вонючий дымный воздух, полный запахов крови, поджаренной плоти и экскрементов – Вот дерьмо...

– Я не подписывалась на такое дерьмо – проскулила сидящая у машины полицейская, баюкая перетянутую жгутом

ногу с ужасающими ранами – Я не подписывалась... вколите мне что-нибудь!

Не отреагировав, сержант повторил свое мнение и рявкнул, приводя еще стоящих в чувство:

– Ко мне! Помогите поднять лейтенанта! И... – захрипев, он схватился за горло и пораженно выпучился, поняв, что почему-то не смог дотянуться до привычной ему части. Руки схватили лишь пустоту и...

На этом мысли сержанта кончились навсегда. На пол упала его отрубленная голова, в потолок ударил фонтан крови, а к лейтенанту тяжело шагнула качающаяся фигура бледного киборга с уродливыми визорами глазного импланта. Взмахнув, он ударил тесаком, но тот отскочил от бронированного тела лейтенанта. Яростно крикнув, явившийся из густого дыма Нортис Вертинский ударил еще раз. И еще раз. Но раз за разом тесак отскакивал от недвижимого доспеха. Гудящий АКДУ наехал на перетянутую ногу полицейской и та, вскрикнув, завалилась набок, уже не видя буквально выжимаемой из истерзанной конечности крови. Присевший киборг схватился стальной рукой за умершую крысу и резко дернул ее из стороны в сторону, со жгучей радостью ощущая, как длинное сверло ворочается там внутри в живом мясе.

– Ы-Ы-А-А! – простонал он и... получил длинную очередь игл.

Ему просто повезло – у очнувшегося от ступора штурмовика не осталось запрещенных боеприпасов, и он воспользо-

вался обычными. А еще он промахнулся и вместо того, чтобы прострелить наглому ублюдку спину, нашпиговал иглами его руку – обычную живую руку.

Подскочивший Нортис развернулся, замахнулся тесаком, но получил еще несколько игл – на этот раз в живот и грудь. Он упал навзничь – завалившись на АКДУ. Что-то пробулькала и начал вставать. Штурмовик дал еще одну очередь, вбивая иглы в звенящие ноги киборга и живот. Затрясшийся Вертинский уже не смог встать и замер в неподвижности.

Тишина...

По металлу гусеничного контейнера медленно стекала густая кровь...

Трое полицейских, вскинув оружие, направились к Вертинскому, но не дошли буквально пару шагов – из правого коридора с яростным криком выскочили размахивающие длинными ножами и стреляющие из огнестрела осатанелые мятежники. Развернувшиеся копы открыли ответный огонь, медленно отступая к опустошившей свой боезапас машине. Там внутри еще полно картриджей и убойной медицины – главное добраться! Этим копы и занялись, забыв о внезапной атаке одинокого мстителя. Но он и не шевельнулся – во всяком случае сам. Ожил его залитый кровью АКДУ, медленно развернувшись, с трудом найдя лазейку среди наваленных тел, переехав немало мертвых рук и уйдя в узкий темный коридор. По полу скреб намертво зажатый в стальной ладони тесак.

Копы, потеряв еще четверых, сумели затащить лейтенанта в машину, бросив еще живую полицейскую с изжеванной ногой и задраили дверь. Рыкнув движком, махина развернулась, размазав в кашу трупы и умирающих, после чего двинулась прочь. Кто из еще что-то соображающих перезагрузил программу, автоматическая подача боеприпасов снова заработала, и машина ударила огнем, отсекая преследователей. Умывшись кровью, потеряв большую часть отряда, копы бесславно торопились обратно к одиннадцатому сектору.

На перекрестке, среди трупов и кровавой каши, тряслись в танце победы мятежники, завывая подобно космическим баньши и стреляя в потолок.

По узкому коридору удалялся одинокий АКДУ с безжизненными телом на крышке. Одна за другим перед контейнером открывались и снова закрывались стальные двери...

9.

Одна из многих полуподпольных частных клиник двенадцатого сектора была закрыта с момента начала мятежа. Как только по темным улочкам зазвучали первые пьяные вопли и начала шарахаться на глазах напитывающая злобой толпа жадных до алкоголя, наркотиков и насилия толпа звереющих здешних, толстые стальные жалюзи клиники тут же опустились, намертво блокировав две достаточно больших помещения, отделанных белым пластиком. Раньше сюда мог-

ли попасть очень немногие избранные обеспеченные жители «внешнего» сектора. Клинику никто не крышевал – за этим строго следили все из группировок, зная, что начини клиника служить кому-то одному и остальным сюда путь будет заказан. Убить недруга и списать на болезнь – разве может быть что-то лучше для прикрытия убийства?

В клинике «Второй рассвет» всегда имелся запас дефицитных дорогущих лекарств, неплохой выбор имплантов, а в операционной была установлена пусть давно устаревшая, но все же регулярно обновляемая версия медицинского робота, способного вернуть с того света почти кого угодно – был бы цел головной мозг. И хотя обычно на широком сверкающем ложе лежали люди иного сорта, сейчас там, пачкая металл кровью и рвотой, лежал трясущийся наркоман с перекошенным лицом. Вокруг операционного стола столпилась толпа грязных людей, что то и дело прикладывались к бутылкам с алкоголем. За их спинами был виден вырезанный сваркой проем в защитных ставнях, а на полу блестели осколки стекла. Сгрудившиеся работяги старались молчать, хотя нет-нет у кого-то и срывалось с губ яростное ругательство. Они не отрывали глаз от самого важного сейчас для них человека, хотя многие и сами серьезно пострадали в драке. Еще двое вытянулись вдоль стены и были в забытьи после уколов, играя с судьбой в перетягивание каната жизни в попытке дождаться своей очереди на операционный стол. В углу дрожал запершийся в клинике перепуганный медбрат с допуском –

он и активировал автоматическую операционную с множеством манипуляторов.

У Мики Дозы мозг был давно прожжен наркотой и по его многотрадальному черепу успели потоптаться в горячке бойни, а незадолго до этого он получил в лицо три шипастые иглы с запрещенным нейротоксином. Копы не стеснялись в средствах. Но в целом мозг был цел – о чем бесстрастно объявил робот после быстрого сканирования. Все одиннадцать игл из тела Мики были успешно извлечены, уколы с противоядиями и необходимыми лекарствами были сделаны, в вены потоком шла живительная поддерживающая химия, но тощий трясущийся наркоман не хотел возвращаться к жизни, а тревожно пищущая электроника продолжала делать укол за уколом, сетуя на полную изношенность организма.

Вскоре главный экран тревожно загорелся красным, а мягкий женский голос ласково сообщил:

– Внимание старшему медработнику! Требуется решение! Пациенту необходима экстренная замена следующих внутренних органов на донорские или импланты: печень, желудок, левая почка, правое легкое. Крайне рекомендованы к замене: правая почка, левый глаз, желчный пузырь. Внимание старшему медработнику! Примите решение!

Недобрые взгляды собравшихся повернулись к трясущемуся в углу медбрату. Обычно он отвечал за работу клиники ночью – мог принять экстренного пациента, запустить автодока, разрешить использование особых лекарств и, конечно,

он же связывался со старшим доктором и владельцем клиники по совместительству. Медбрат был доверенным лицом, многократно доказавшим свою лояльность. Он жил в своем крохотном сытном раю и мечтал, чтобы это никогда не заканчивалось. Да он мог принять определенные решения, но... это ведь дорого. Слишком дорого... Озвученный чертовой машиной перечень органов и имплантов тянул на тысячи и тысячи кредов – ведь их «сырье» было почти элитным... Стуча зубами, перепуганный медбрат прошелся взглядом по рожам грязного сброда, ненадолго прилип глазами к направленному на него стволу дробовика и... мелко кивнул. Машина не отреагировала и тогда он, поднявшись, едва стоя на трясущихся ногах, пробулькала:

– Ра... разрешаю полную замену всего необходимого.

– Подтвердите еще раз.

– Разрешаю полную замену всего необходимого.

– Категория необходимого предварительно принята. Пациент стабилизирован в искусственной коме. Подготовка к подаче предоперационных препаратов начата. Прошу сделать выбор из каталога донорских органов и имплантов.

– Да...

– Требуется уточнение по категории рекомендованных к замене органов...

– Эм...

Небритый детина подошел ближе, заглянул в мокрые от слез и ужаса глаза медбрата и удивительно проникновенно

заметил:

– Тебе ведь все равно кранты от начальства. Зато мы тебя не тронем. Успеешь бухнуть. Повеселиться. И пошли эти толстосумы в задницу! Пей!

Приняв пластиковую бутылку, медбрат сделал большой глоток обжигающей водки и сипло выдохнул:

– Повторяю разрешение на полную замену всего необходимого. Показать лучшее из имеющегося.

– Принято. Приступаю...

К лежащему на операционном столе тощему телу снова опустились манипуляторы, а на стене зажегся новый экран, показав список имеющихся для замены органов и имплантов.

– Больше мяса или железа? – спросил медбрат и сделал еще один глоток – Меня, кстати, Виктором зовут.

– Железную требуху! – крикнул один из совсем уж пьяных, но еще соображающих мятежников – Чтобы иглой не прошибло! Все железное! Лучшее!

– Но сердце должно быть живым – шмыгнула носом старуха с бутылкой в правой руке и с электрошокером в левой – Он ведь святой... а у святых сердца живые... живые!

10.

Старый гусеничный АКДУ остановился перед не пожелавшей открыться дверью. Содрогающееся в конвульсиях

истощенное тело киборга продолжало лежать на сомкнутых створках. Тесак колотился о стенки мобильного контейнера, выбивая странную прерывистую дробь – звучащий как предсмертный вой мало кому известной азбуки Морзе. В другом конце узкого коридора со скрежетом опустилась аварийная переборка, «перерезав» тянущуюся за умирающим парнем дорожку. Нортис лежал на окровавленном АКДУ как на древнем алтаре, подобно еще живой, но обреченной жертве жестокого ритуала. В его затуманенной болью и недостатком крови голове закружилась картинка из так любимых им некогда комиксов, где вокруг привязанного к живому инопланетному дереву галактического капитана плясали четырехногие туземцы, потрясая оружием, намереваясь принести его в жертву...

Умереть Вертинскому не дали. Та не пожелавшая дверь осталась закрытой, зато отлетела одна из стенных решетчатых панелей и в коридор шагнула невысокая гибкая фигурка в сером старом комбинезоне. Над Нортисом склонилась закрытая шлемом с забралом голова. Оценив увиденное, фигура в сером тихо чертыхнулась, сбросила с плеча пластиковый ранец, перехватив его на полпути вниз и не дав грохнуться на грязный пол. Из ранца появилось два небольших дозера, разом воткнувшись в поддрагивающее тело Вертинского, выплюнув в его организм свое содержимое. Убрав опустевшие дозеры в ранец, фигура в сером стащила шлем, явив все видящим и исправно передающим изображение в мозг ви-

зорам глазных имплантатов короткую прическу и сердитое женское лицо с частыми змеящимися шрамами вокруг рта и на перекореженных губах.

– Держись! – она не просила, она приказывала, наклонившись над Нортисом и говоря прямо ему в лицо – Держись!

Стальная рука киборга с тесаком медленно поднялась, выполняя приказ нервных окончаний и намертво застыла в этом положении. Женщине пришлось перейти на другую сторону АКДУ, где она продолжила умелые манипуляции по спасению жизни – наложила жгуты на изрешеченную иглами руку, залила раны на груди и животе густым медицинским клеем, сделала еще три укола и воткнула в вену старую «умную» капельницу с универсальным кровезаменителем. Она уже заканчивала, когда из открытого стенного проема показалось еще двое в закрытых шлемах. Они шагнули к дрожащему беспомощному телу, но та в сером сердито и чуть невнятно рявкнула, кривя изуродованные губы:

– Назад! Он на взводе... глупый стальной солдатик...

Нортис был в глубоком забытье. Но там в своем кровавом бреду он продолжал стремиться к убийству своих заклятых врагов. И если живые части его тела реагировали лишь дрожью, то стальные ноги и искусственная рука отвечали на посылаемые импульсы с куда большей силой, колотя по контейнеру и размахивая тесаком. Все решил еще один укол, после которого Вертинский обмяк и затих. Только затем его тело было снято с крышки мобильного контейнера и унесено

в темноту технического коридора. Вскоре один из безымянных вернулся, вернул стенную решетку на место, после чего вытащил из плоского ранца планшет с проводом, подсоединил его к АКДУ и ввел несколько команд. Экран планшета озарился красным и потух.

– Вот это да – изумленно пробормотал безымянный, то-ропливо тыча в экран – Кто ставил эту защиту? Откуда такое сопротивление?

Экран планшета снова окрасился в красный.

– Тут придется повозиться – вздохнул безымянный, сквозь серебристое исцарапанное забрало шлема бросая взгляд на закрытую аварийную переборку – Вот дерьмо...

11.

Залитый кровью и покрытый грязью старый коридор двенадцатого сектора ни в какое сравнение не шел с автоматизированной современной операционной девятого сектора – ближайшей из самых продвинутых. Именно туда в крайней спешке, пролетая шлюзы, дошла штабная машина, выглядящая так страшно, что наверняка немало детишек из благополучных районов, ставших свидетелями проезда этого ужаса, надолго лишатся спокойного детского сна. И неудивительно – не каждый день увидишь прущего через спальный район стального колесного монстра, тащащего за собой несколько застрявших в задней защитной обрешетке мертвых тел, бю-

щихся о дороге измочаленными частями тела. Как бы то ни было, дело сделано – остающийся все это время без сознания старший лейтенант Линдрес, полицейский герой Астероид-Сити, был доставлен в операционную вовремя. Когда его перенесли на медицинскую транспортировочную платформу он начал дергаться и мычать, колотясь головой о мягкий пластик. Его налитые кровью глаза смотрели слепо и явно не узнали склонившегося над ним сержанта.

– Босс! Босс! Все будет хорошо!

Лейтенант ответил долгим мычанием и за уносящей его платформой закрылись белоснежные створки. Трое из четырех усталых раненных копов буквально попадали на удобные кресла, но вскоре их забрали деловитые медбратья. В зоне ожидания остался только мрачный сержант, баюкающий невыносимо ноющую руку и сквозь оконное стекло без единого пятнышка наблюдая, как люди в белом, изо всех сил стараясь сдержать эмоции, пытаются снять с машины застрявшие в обрешетке изуродованные тела. Один труп буквально порвался, когда его потащили за ноги, вывалив содержимое живота на ноги молодого парня со стильной прической. Того мгновенно вывернуло наизнанку и он, покачиваясь, оставаясь согнутым, куда-то побрел, зажимая лицо руками.

Еще через несколько минут машину вымыли мощными брандспойтом – в нарушение всех полицейских процедур – и очищенный от крови транспорт ушел на стоянку в беспи-

лотном режиме. На освободившееся мокрое место прибыла большая машина с полицейской символикой, откуда выскочило шестеро крепких мужчин, рванувших в больницу. Там они столкнулись с усталым сержантом и обрушили на него град вопросов, подкрепляя их окриками в стиле:

– Отвечай, сержант! Отвечай!

– А пошли бы вы все нахрен – с удовольствием ответил сержант, отчетливо сознавая, кому он говорит эти слова и как это скажется на его будущем.

Прибывшие переглянулись, подступили ближе, но не успели перейти к умелым вкрадчивым угрозам и напоминаниям о том, кто они такие и что могут сделать с долбаным сержантом, как в зону ожидания вошел седой высокий мужчина в традиционном белом халате, «украшенным» красной капелью. Содрав с лица прозрачный щиток дополненной реальности, проецирующий нужное и подсказывающий многое, он представился свойственным долго работающим врачам безразличным спокойным голосом:

– Я доктор Хорак.

Сержант вскочил, попутно сбросив с защищенного побитого иглами наплечного щитка чужую руку:

– Что такое, док? – уже что-то поняв по мрачному лицу доктора Хорака, сержант зло рявкнул – Он дышал, когда мы его привезли! Шевелился!

– Он жив – ответил доктор и, вытерев лицо, вернул на него прозрачный медицинский щиток – Физические показатели

далеко не в норме, но это поправимо. Есть серьезные проблемы со ступней – там ужасающая рана. Все буквально измочалено и придется удалить немало тканей, возможно потребуются прибегнуть к трансплантации костей. Но... – оглядев напряженные лица собравшихся полицейских чинов, доктор Хорак перевел взгляд на мокрое и грязное лицо сержанта – Его родные здесь? Я не должен...

– Говорите как есть, док – велел один из тех, кто все это время стоял у стены и молча слушал – даже в то время, когда остальные наседали на сержанта.

Он не представился, но никому и в голову не пришлось задать такого вопроса. В этом человечке чувствовалась нешуточная власть. Поэтому доктор просто начал отвечать:

– Поражен мозг.

– Чем?! – взорвался сержант – Я лично снимал шлем – и он был в порядке! Голову не ранило!

– Мозг был поражен мощным электрическим разрядом – терпеливо пояснил док – Разряд прошел через все тело, нанеся немало вреда. Но мозг... мозг, судя по показателям, пострадал серьезней всего. Сейчас идет сканирование, но мой предварительный диагноз – массивное кровоизлияние в мозг.

– Это электрошокера такого не бывает – не поверил сержант – Уж я то знаю! Скольких жахал!

– Это не могло быть электрошокером – возразил доктор Хорак – Такое впечатление, что ему пробили ногу буром, а

затем подали через него электрический ток...

– Он придет в себя? – это был второй вопрос небольшого человечка у стены.

– Пока воздержусь от предположений – вздохнул док, глядя на спрашивающего сквозь прозрачный щиток с бегущими по нему данными – Но... если кровоизлияние в мозг подтвердится, а я в этом почти уверен, то... прошу прощения, но дальше начинается зона ничем не подкрепленных догадок. Я продолжу работу. Предлагаю оповестить семью господина Линдреса и пригласить их сюда. После этого остается лишь ждать и уповать на лучшее. Всего хорошего, господа. Мне нужно к пациенту...

Доктор Хорак коротко кивнул и удалился. Тяжело упавший в кресло сержант уставился в кремового цвета полоток и протяжно зашипел сквозь стиснутые зубы.

– Кто это сделал? – невысокий человек задал свой третий вопрос.

– Киберкрыса или еще какая-то похожая хрень – выдохнул сержант – Боевой дрон. А подчинялась она бледному как смерть парнишке на стальных ногах, со стальной рукой и чертовым ржавым тесаком. Я его узнал – это был Нортис Вергинский. Разыскиваемый террорист...

– И ты дал ему уйти?

– Я всадил ему в грудь и живот весь магазин! – огрызнулся сержант – А затем занялся спасением своего лейтенанта!

– То есть Вергинский мертв?

– Да хрен его знает! Но я не промахнулся. Даже если он не сдох сразу – значит подыхает в луже собственной крови прямо сейчас! Дайте мне вернуться – и я отыщу его. А заодно прикончу всех гребанных внешников...

– Отправляйтесь в главный участок одиннадцатого сектора, сержант – на этот раз невысокий человечек не спрашивал, а приказывал – И ждите дальнейших указаний.

– Есть... сэр...

– И держите рот на замке!

– Есть, сэр...

12.

Небольшое полутемное помещение содержало минимум мебели.

У стены, рядом с дверью, приткнулся квадратный стальной столик, едва разместивший на себе кружку с остывающим кофе и электронный планшет. Рядом со столом стоял стул из того же неразрушимого материала. На обоих предметах холодной старой мебели стояли клейма производителя: «Корпорация «НЭПР», не для продажи. Внутреннее использование». Подобная уродливая мебель была практически вечной, что как нельзя лучше подходит для мест подобным Астероид-Сити.

На стоящем в центре помещения большом футуристическом кресле тоже имелось клеймо производителя, но звуча-

ло оно иначе и для знающих людей было куда страшнее.

«Служба Федеральных Дознавателей».

Дальше шел буквенно-цифровой код, но прочесть его могли лишь технические специалисты. Впрочем, портить себе зрение и разбирать сложные коды не требовалось, ведь подобные кресла уже не раз светились в качестве бутафории в многочисленных сериалах о работе службе дознавателей. Но это кресло бутафорией не являлось. Напичканное сложнейшей электроникой, снабженное одной из лучших в галактике аптек, подключенное напрямую к внутренней больничной сети висящего над городом федерального крейсера, стоящее в комнате устройство находилось в рабочем состоянии и полностью выполняло свою главную функцию. А функция была проста – любой ценой сохранить жизнь и мозговую деятельность сидящего в кресле человека. Причем сохранение мозговой деятельности было в абсолютном приоритете – остановись сердце, его можно перезапустить или выбросить и заменить имплантом, как и остальные внутренние органы. А вот мозг заменить не удастся, хотя настоящую ценность представляли собой хранящиеся в нем сведения, а не сам комок склизкой плоти. Впрочем, будь умная электроника способна расслабиться, она вполне могла бы себе это позволить, так как замерший на эластичном ложе человек был проведен через особую процедуру, применяющуюся лишь в крайнем случае. Процедура была бы абсолютно незаконной, не имея в федеральных законах несколько четких и ясных попра-

вок, лишаящих террористов, массовых убийц и лиц засекреченной категории Тау большинства их гражданских прав.

Прикрытый покрывалом человек в кресле находился в искусственном сне. На небольшом продолговатом экране над его головой успокаивающе помаргивал ряд зеленых огней, изредка ненадолго сменяющихся желтыми – следствие недавно проведенной сложнейшей операции. Расслабленное лицо спящего было чисто выбрито – как и череп с прикрепленными к нему датчиками. Перехваченная обручем голова была лишена возможности двигаться, а в основание черепа уходила жгутовая нить тончайших проводов.

Когда щелкнула дверь и в комнату вошел старший дознаватель Инори Такаши, устройство в центре комнаты вздрогнуло как преданная хозяину собака и начало приподниматься, складываться и наклоняться, наводясь на новую фигуру. Мобильная платформа пришла в движение и довольно быстро кресло подкатилось к усевшемуся за небольшой столик старшему дознавателю, остановившись в полуметре. Свет в комнате стал ярче, а спящий человек вздрогнул, его веки задрожали и медленно поднялись. Взгляд, сначала мутный и ничего не понимающий, таким оставался недолгим – за рекордные полминуты в нем появилась сначала ясность, а затем дикий испуг, граничащий с паникой. Ничего удивительного – люди связанные с такой опасной работой как путешествия в почти неисследованных космических окраинных секторах и должны отличаться быстротой мышления и по-

вышенной скоростью принятия решений. Иначе не выжить. Порой и думать не стоит – действуй на автомате и действуй немедленно! Прикованный к креслу, подтверждая эту истину, дернулся в безуспешной попытке вскочить, но остался на месте, зашипев от всплеска приглушенной химией боли. Приподнять голову ему тоже не удалось и оставалось только одно – уставиться на сидящего перед ним человека в страшной для любого преступника униформе дознавателей и зашевелить губами, в попытке что-то произнести.

Старший дознаватель Инори Такаши одобрительно кивнул и представился, продолжив затем со своей привычной фразой:

– Здравствуйте, мистер Лурье. Мое имя старший дознаватель Такаши. Прежде чем начать задавать вопросы, настоятельно рекомендую отвечать с максимальной правдивостью, ничего не утаивать, проявлять инициативу, рассказывать даже то, о чем спрошено не было.

– Я... как я... вот дерьмо... – Ник Лурье наконец-то вспомнил все и обреченно застонал.

Он вспомнил свой беззаботный разговор с диспетчером Астероид-Сити и свое вялое удивление очередным мятежом на окраинном секторе, равно как и свою уверенность в том, что мятеж будет подавлен быстро и максимально жестко. Он вспомнил свое предвкушение скорого посещения элитного борделя в девятом секторе... Вспомнил он и внезапную атаку, занявшую у противника жалкие десятки секунд. Топот

чужих ног, вспышка, темнота... и вот он очнулся связанный по рукам и ногам, а напротив сидит старший дознаватель.

Все это могло говорить лишь об одном – его песенка спета. Ник не был кретином и понимал, что все тайники в его корабле давно найдены, вскрыты, а их содержимое изучено. Ему конец... и если он хочет поймать хотя бы призрачный шанс сохранить себе жизнь, ему стоит приложить все усилия, что расположить к себе дознавателя с помощью максимально честной говорливости. А Ник Лурье очень хотел жить – пусть даже на астероидной каторге, где кормят синтезированным пюре и где дышишь радиоактивной пылью. Ведь не зря про возможность дыхания говорят, что лучше хоть как, чем вообще никак... Но как же болят руки и ноги! Прямо ноют нещадно. Кто-то перестарался с пластиковыми стяжками?

– Ноги хотя бы развяжите, а то очень уж сильно болят – хрипло попросил Ник Лурье, жалобно глядя на дознавателя – И попить дайте. Я буду сотрудничать, господин дознаватель.

– Старший дознаватель.

– Старший дознаватель – кивнуть не получилось и Лурье просто моргнул – Я буду сотрудничать, сэр старший дознаватель! Я буду!

– Вы будете – произнес Такаши и это прозвучало будничной констатацией факта, а не вопросом – Конечно же вы будете, мистер Лурье. Что же касательно боли в ваших конеч-

ностях, то это боль фантомного характера. Вы были подвергнуты специализированной медицинской процедуре, мистер Лурье.

Ник обомлел.

– К... к-какой процедуре? – едва выдавил он, силясь приподнять голову и увидеть свое тело.

– Данная процедура применяется к особо ценным свидетелям из числа преступников, шпионов и прочих, кто может попытаться самостоятельно лишиться себя жизни или же просто не отличается стабильным здоровьем. Было бы огорчительно, умри вы до допроса от банального инфаркта. Поэтому было проделано все необходимое, что извлечь из вас любые посторонние объекты. Также была произведена операция по временному изъятию большей части внутренних органов с последующей заменой их на проверенные имплантаты. Помимо этого, произведены необходимые операции по отключению ваших конечностей, большей части позвоночного столба и некоторых крупных мышц. В результате вы потеряли любую возможность для побега, мистер Лурье и находитесь под постоянным воздействием специализированных препаратов. Если желаете, я могу дать указания снять покрывало и показать вам текущее состояние вашего тела. Если желаете...

– Нет – хрипло выдохнул Ник Лурье – Господи... нет! Не желаю! Это же мое тело...

– Уже не ваше, мистер Лурье – старший дознаватель пока-

чал головой – Ваше тело, ваш мозг и ваша личность, вместе со всеми вашими преступными деяниями и нужными нам знаниями стали федеральной собственностью. И только от ваших дальнейших действий зависит...

– Я уже сказал! Сэр! Я буду сотрудничать! Буду!

– Ожидаемая реакция.

– А если я докажу... вы... вы вернете мне мою требуху? Запахнете все обратно? – его глаза налились несдерживаемыми слезами – Я... я хочу жить... очень хочу жить...

– Прекрасно – сухо произнес дознаватель, не став сообщать задержанному, что необычайная яркость его эмоций усилена с помощью еще пары препаратов и напрямую посылаемых в мозг сигналов.

В результате Ник Лурье действительно хотел жить так сильно, как возможно никогда до этого.

– Спрашивайте! Спрашивайте же!

– Скоро – кивнул Инори Такаши и поднял руку к прикрывающим его глаза темным непроницаемым очкам – Скоро я задам все интересующие меня вопросы, мистер Лурье. Это будет долгая беседа. Но прежде я хотел бы вам кое-что показать – с этими словами он снял очки и приподнял лицо, давая прикованному хозяину Жирного Клоуна хорошо разглядеть его глаза.

Тот понял не сразу, хотя вглядывался жадно. Но это нормально – ведь мозг порой просто отказывается принимать очевидное, отметая это как невозможное. Нику понадобится

лось еще несколько секунд, что увериться, проникнуться и... сдавленно засипеть, дергаясь в попытках отодвинуться по-дальше от этого гребаного кошмара.

– Господи! Господи! УБЕРИТЕ! УБЕРИТЕ ЭТО! Убери-те! – стонал он, крепко зажмурившись.

– Откройте глаза и смотрите! – жесткий приказ заставил Лурье подчиниться, и он снова уставился в глаза сидящего напротив дознавателя – Разглядели?

– А-а-а... А-а-а-а-а... А-А-А-А-А-А-А-А! – он больше не просил скрыть от него это страшное зрелище и просто послушно смотрел, но скрыть эмоции был не в силах.

– Замолчите – произнес старший дознаватель и крик Лурье оборвался как обрезанный. Выдержав паузу, Инори Такаши промокнул пахнувшим дезинфектом платком область под глазами и, едва заметно поморщившись, пояснил – Они чувствуют страх. И рвутся наружу. Таков их инстинкт размножения, мистер Лурье.

– Это... это...

– Это последствия одной крайне неудачной исследовательской экспедиции. Я не всегда служил дознавателем. Я начинал как планетарный разведчик и мне не было еще двадцати пяти, когда меня, в составе достаточно большого отряда, отправили на поверхность планеты с подходящей для нас по составу атмосферой. Само собой, мы все были в скафандрах, и мы были готовы к любому противнику и к любым событиям. Но, как оказалось, мы так только думали – старший

дознаватель коротко улыбнулся, хотя скорее просто растянул губы в резиновой усмешке робота – Спустя несколько часов из пятнадцати бойцов в живых осталось только двое – я и спятивший разведчик, пытающийся меня убить, вопя при этом от сжирающего его ужаса, хотя напугать столь опытного разведчика, бывшего моим наставником, не могло практически ничто. Все дело в том, что в его глазах поселились они – как и в моих...

Такаши наклонился вперед и по лицу неподвижного Лурье пошла мелкая частая рябь ужаса. Он не мог отодвинуться, но вот его кожа и мышцы пытались это сделать изо всех сил. И это было не воздействие препаратов. И даже не жуткий вид того кошмара, что творился в глазах дознавателя. Таково было их особое воздействие на любое существо со сложным зрением – а Ник Лурье таковым являлся.

– Они влияют на рецепторный аппарат наших глаз особым образом. Можно сказать, что они диктуют свои приказы с помощью импульсов. А их приказы просты как у любых паразитов. Они шепчут одно и то же –пусти меня...пусти меня в себя...

– Н-нет... **НЕТ! НЕТ!**

– При этом они обладают не только гипнотическим, но и эмоциональным воздействием. Они буквально накачивают наши эмоции до предела, вызывая дикий всплеск гормонов и внося путаницу в мысли, что лишает нас осознанных действий и вводит в панику, а затем и в бессознательное состо-

ание. Их импульсы действуют даже сквозь забрала боевых скафандров – доказано на практике. А вы ощущаете панику, мистер Лурье?

– НЕ НАДО! – проорал тот, ощущая дурноту и мечтая отключиться или хотя бы закрыть глаза, но они ему больше не повиновались. Нечто внутри него заставляло его не отрывая взгляда от глаз наклонившегося старшего дознавателя Инори Такаши, в чьих глазах бесновались десятки длинных белесых червей.

Черви...

Черви!

– А-а-а-а... – по подбородку Лурье побежала струйка слюны – А-а-а...

Черви жили в подрагивающих глазных яблоках дознавателя. Они там кишмя кишели! Зрачки и радужка едва виднелись за телами шустрых тоненьких червей, уютно устроившихся внутри глаз. По щеке Такаши потекла кровавая слеза, оставляя за собой красную дорожку.

Выпрямившись, он вытер лицо, сложил платок и неспешно водрузил очки обратно на переносицу – к огромной радости ментально агонизирующего Лурье.

– Черви сводят с ума. Приводят к самоубийству. Я выжил лишь благодаря древним ментальным практикам, переходящим в нашем роду из поколения в поколения. Эти практики зародились еще на прародительнице планете Земля и спустя тысячелетия спасли мою жизнь... и мой рассудок. Позднее,

в изолированной орбитальной лаборатории, поселившихся в моих глазах паразитов удалось частично обуздать, но не уничтожить. Оказалось, что они добрались не только до глаз, но и до моего мозга, уютно обустроившись в нем и частично слившись с ним в единое целое. Тогда же, борясь с рвущим меня на части животным ужасом, я сумел... договориться с ними, хотя они, конечно, не обладают разумом. И тогда же я обнаружил их невероятно полезные свойства. Сегодня вы испытаете эти свойства на себе, мистер Лурье. Я закапаю вам в глаза по несколько капель моей внутриглазной жидкости, пораженной токсичными отходами паразитов. Эта жидкость вызывает...

– НЕТ! НЕТ! Я и так все расскажу! Клянусь жизнью! Я все расскажу-у-у-у! НЕ НАДО!

– Тихо!

И снова крик Лурье оборвался, а старший дознаватель продолжил:

– Если меня удовлетворят ваши ответы, мистер Лурье... то на этом наше общение закончится, а вас отправят в одиночное заключение до тех пор, пока вы не понадобитесь снова.

– Я пригожусь! Я расскажу!

– Но если мне почудится, что вы скрываете хоть что-то... если мне покажется, что вы просто отвечаете, вместо того чтобы идти навстречу и добровольно раскрывать как можно больше всех мельчайших подробностей...

– Я раскрою!

– Тогда я подсажу в ваши глаза всего по одному паразиту, мистер Лурье – дознаватель снова снял очки и взглянул на заключенного своими страшными глазами, наводненными кишасщими и жадно рвущимися наружу белесыми тонкими червями-паразитами – Вы ощутите то, что ощущаю я.

– Господи... я... – по его ногам потекла вонючая желтая жидкость, но он этого даже не заметил, продолжая молить бесстрастного жуткого дознавателя – Я и так расскажу все! Я расскажу!

– В вашем организме черви умрут – добавил Такаши – Им сумели частично изменить генетическую структуру и теперь не только я до конца жизни заключен с ними, но и они со мной. Моя голова – их тюрьма. Так что в ваших глазах они проживут недолго, мистер Лурье. Но до своей смерти они успеют сотворить с вашей психикой многое... сначала вы расскажете то, что хотели утаить, а затем превратитесь в живущего в вечном ужасе слюнявого идиота...

– Прошу вас... спрашивайте уже! Спрашивайте! Я буду отвечать! – проскулил некогда властный и крутой Ник Лурье, капитан Жирного Клоуна – Спрашивайте же!

– Хорошо...

– Но очки... наденьте очки... пожалуйста...

– Хорошо – повторил дознаватель Инори Такаши, утирая очередную кровавую слезу – Хорошо...

Глава 3

13.

Заложив руки за спину, вернувший себе обычную холодную невозмутимость, старший дознаватель Такаши внимательно наблюдал за абсолютно рутинными для его подразделения и столь же абсолютно незаконными процедурами, происходящими за прозрачным стеклом медицинского блока. Он мог бы наблюдать за тем же самым с помощью любого из экранов в любом другом более удобном и теплом месте, но Такаши всегда предпочитал максимально близкое присутствие и полную вовлеченность в важные процессы. Так ему лучше думалось и так сильнее ощущался скачущий пульс дела. А здесь пульс действительно скакал с той же силой и непредсказуемостью как у реанимируемого любой ценой безнадежного пациента...

Прямо сейчас этот фантомный и существующий лишь в голове дознавателя пульс стучал с бешеной скоростью, призывая действовать незамедлительно. Но дознаватель сознательно медлил, наблюдая, как бесстрастные манипуляторы меддока разбирают застывшего в коме Ника Лурье на куски, отнимая у него почти все. Когда последняя изъятая «зап-

часть» улеглась в свой бокс, выпотрошенный и заново набитый имплантами торс с выбритой налысо головой в защитном шлеме, погрузили в специализированный контейнер и он начал заполняться особым крайне тягучим раствором. Не дожидаясь полного заполнения, прозрачная крышка закрылась, а еще через пару секунд на ней появились сначала красные, затем сменившись желтыми и наконец перекрасившись в зеленый ряды успокаивающих огоньков. На самом деле дознавателя интересовал цвет лишь двух первых индикаторов – мониторящих состояние головного мозга Ника Лурье. Все было хорошо, насколько показывали многочисленные датчики в черепе. Драгоценная и даже уникальная посылка упакована и готова к отправке...

– Отправить немедленно – приказал старший дознаватель и покинул помещение, спеша в командный центр.

Через полчаса из открытого шлюза выскочил большой федеральный зонд, за считанные секунды проскочив открытое космическое пространство между городом и висящим над ним крейсером, скрывшись за створками быстро закрывшегося люка. Невозмутимая громада вооруженного металла после этого не шевельнулась, продолжая давить ментальной кувалдой на разумы многих особых обитателей Астероид-Сити и наводя нервную зевоту на дежурный персонал диспетчерской. Но несмотря на нервоз, они все же не могли не заметить выползшего из открывшего в броне крейсера

носа небольшого катера с характерными обводами. Вспышка... и сверхскоростной курьер отбыл, яркой искрой понесшись через систему по направлению к внутренней границе этого сектора. С каждым мигом его скорость нарастала. Через пару минут от него отстыковался отработавший свое бустер, на остатках топлива начавший путь назад к крейсеру, а несущийся курьер стремительно уходил из системы, унося на борту неизвестный, но явно очень важный груз.

Осторожно и даже смущенно кашлянув, старший из диспетчеров покосился влево. Там, за небольшим откидным столиком, открыв пластиковый контейнер с салатной нарезкой, сидела коротко стриженная девушка в идеально сидящей черной с серебром униформе дознавателей. Девушка с большим аппетитом насыщалась, не замечая пятнышко салатной заправке в уголке рта. Диспетчер повторил свой робкий кашель. Девушка вопросительно приподняла бровь.

– Мы обязаны доложить – тихо произнес диспетчер.

Девушка искренне удивилась:

– Разве? – пластиковая вилка с хрустом вонзилась в салатные листья.

– Обязаны – подтвердил диспетчер – О любой активности в системе... штатный протокол.

– Тогда докладывайте, конечно – улыбнулась девушка и, вытерев пятнышко с уголка рта, облизала палец – Докладывайте...

– Да... мэ... – снова кашлянула диспетчер и подтянул к

себе старомодный микрофон – Спасибо, мэ.м...

Она молча улыбнулась и вернулась к салату, одновременно что-то читая на прислоненном к резервной консоли управления планшете. Вызывая дежурного в службе безопасности, диспетчер опустил голову пониже, скрывая предательски побагровевшие щеки и лоб и стиснув поплотнее ляжки, чтобы скрыть еще и происходящее в его внезапно пробудившихся чреслах. Проклятье... в последнее время уже и таблетки не помогали, а тут без всякой химии и так сильно... так мощно... прямо как в далекой молодости...

Через полчаса из ангаров крейсера буднично вышли еще два катера схожей модели и рванули в том же направлении. Электроника диспетчерской не сумели опознать модели катеров – как и предыдущую – да и не имела на это право, учитывая принадлежность кораблей.

Старшему диспетчеру снова пришлось вступать в разговор с молчаливой девушкой в черно-серебряной форме и во время короткой беседы он старательно думал о плывущем в космосе обжигающе холодном ледяном астероиде... но это не помогло. Боль в слишком тугих штанах только усилилась... Еще секунда... диспетчер вздрогнул, задрожал, вцепившись в микрофон и... затих, часто дыша и не осмеливаясь поднять лица. Боль в штанах медленно исчезала...

14.

Глава службы Безопасности был в приподнятом настроении впервые за очень долгое время. Усевшись в высокое кожаное кресло с полированными деревянными подлокотниками, он неспешно затянулся дорогой сигарой, лениво поигрывая зажатым в пальцах другой руки бокалом с отменным коньяком.

– Хорошо – выдохнул он, чуть затуманенным взором глядя в панорамное окно, открывающее вид на небольшой жилой парк, стилизованный под дикий лес – Дела, похоже, налаживаются...

Парк находился там, где и положено ему было быть – аккурат под окном личного кабинета Томаса Виккерсона, губернатора корпорационного города Астероид-Сити. Вот только сейчас в его кресле с удобством расположился Виттори Сальвати, бесцеремонно закурив чужую сигару и налив себе чужого коньяка. Но находящийся здесь же губернатор прекрасно понимал расклад, равно как и то, кто настоящий хозяин купольного города. Поэтому он, что не выгладеть совсем уж ничтожеством, тоже налил себе двойную порцию алкоголя, закурил сигарету с золотым фильтром и уселся в гостевой зоне, почти утонув в мягких подушках широкого дивана. Для рабочих встреч неудобен, но если вспомнить что он тут творил с многочисленными стажерками...

Кашлянув, он сделал вдох ароматизированного дыма и на выдохе поинтересовался:

– «Хорошо» – это ведь про арест Лурье? Дознаватели наконец-то поймали интересующую их рыбку...

– Поймали – улыбка Сальвати стала чуть шире, но тут же исчезла, а в губернатора буквально воткнулся фирменный взгляд безопасника – Ты что-нибудь знал, Томас?

– О делах Лурье?

– О них.

Виккерсон ответил чистую правду:

– Как оказалось – нет. Узнав о его аресте, я уже распорядился встряхнуть всех в доках. Уверен, ты сделал то же самое.

– Я потянул вообще за все ниточки и мне на стол легла вся известная подноготная капитана Лурье – подтвердил Виттори – Контрабанда всякой мелкой запрещенки, плюс ввозил легкую наркоту, но не более. Всем, кому надо платил, сверх меры не наглел...

– У меня то же самое – кивнул губернатор – Обычная мелкая сошка...

– Как оказалось – совсем не обычная – Виттори снова улыбнулся и сделал глоток коньяка – Дознаватели знали о нем больше нас и взяли его мгновенно... Уверен, что его уже допросили и он выложил им все что знал.

– Тогда стоит подстраховаться и обрезать пару тех самых ниточек...

Улыбка Сальвати превратилась в жестокий оскал, а на сигаре вспыхнул яркий огонек.

– Уже... а тела завезены в охваченный мятежный сектор и брошены посреди улицы. В полицейских протоколах появилась запись о том, что они вызвались добровольцами и хотели помочь полиции. Но погибли – а вместе с ним и несколько доблестных полицейских офицеров. Тут все в порядке, Томас. Если и остались шероховатости – плевать. Всем плевать. И дознавателям тоже – они свою добычу схватили, а остальные мелочи им не важны.

– Бунт целого сектора – не мелочь, Виттори – осторожно произнес губернатор – Это большая проблема. И ее надо решить немедленно. Предлагаю собрать в кулак все полицейские силы, добавить к ним гражданское подкрепление и...

Безопасник со стуком опустил пустой бокал на полированный стол и покачал головой:

– Это было бы большой глупостью, Томас. Без обид, но тебе лучше продолжать заниматься городом, а не мятежами. А проблемами на окраине займусь я. Уже занимаюсь. Только что отправил туда большой конвой с продовольствием и медикаментами. Следом зайдут медики под охраной. А по всем каналам Умник сейчас рассылает главный посыл для всех, кто еще может слышать и хоть немного соображать.

– И что за посыл?

– Переговоры – улыбка Сальвати переросла в широкую диковатую усмешку – Долгие продуктивные переговоры. Пе-

ремирие. Понимающие власти идут навстречу. Завозят лекарства, пищу и воду. Усиливают приток свежего воздуха, начинают демонстративный ремонт в свободных от бунтовщиков местах. Умник позаботится о том, чтобы все восстановительные работы шли круглые сутки и весь процесс в прямом эфире отображался на каждом нашем новостном портале. Понятно, что работать будут без спешки...

Быстро сообразивший губернатор понимающе заулыбался:

– Корпорация НЭПР идет навстречу требованиям и готова внимательно выслушать каждую сторону. Может еще стоит придумать какого-нибудь высокопоставленного официального уполномоченного, что уже летит сюда из главного офиса?

Сальвати щелкнул пальцами:

– А вот это мысль! Молодец, Томас.

Губернатор заулыбался как приласканный пес и поспешно сделал еще пару рваных быстрых затяжек:

– И пусть эта каша тянется неделями... за это время мятеж утихнет сам собой, а дознаватели наконец-то уберутся отсюда к дьяволу. Ну а потом...

– А потом мы наведем порядок – усмехнулся глава службы безопасности – Называй все правильными словами, Томас.

– Наведем порядок – повторил Виккерсон и, затушив сигарету, с максимальной осторожностью затронул еще одну крайне щепетильную тему – А с этим что?

– С этим? – переспросил Сальвати, прекрасно понявший о ком речь.

– Вертинский – выплюнул поморщившийся Виккерсон – Недобитый крысеныш. Что ж он не сдох? Я ведь видел его – несколько кое-как слепленных заново кусков полумертвой плоти в слишком большой для него больничной койке... Почему он выжил, Виттори?

И снова поняв невысказанный намек, Сальвати тяжело вздохнул и... просто развел руками:

– Кто мог ожидать такого? Калека-мститель? Звучит как заголовок дешевого комикса...

– Этот дешевый комикс уже добрался до... к-хм...

– Говори как есть, Томас! – рявкнул Сальвати и швырнул опустевший бокал через весь кабинет – Дерьмо! Да! Этот недоделанный обрубок Нортис Вертинский не сдох в сиротском крысятнике, а когда выбрался оттуда, то сразу начал мстить, вдруг оказавшись крайне живучей долбанной тварью, что уже добралась до двоих из причастных к... фух...

– Почти до троих – напомнил губернатор, вставая и шагая к бару – Тебе налить?

– Конечно!

– Коньяка?

– Двойную водку – проворчал Сальвати, глядя как за окном шелестят ветви старых вязов в порывах искусственного ветра – Дерьмо... Пацан раскидал полицейский отряд... это же бред!

– Ну не совсем он и к тому же...

– Да знаю я, что там палили со всех сторон! Видел я записи. Но уже все рассказывают о том, как восставший чуть ли не из мертвых мститель превратился в гребаного супергероя! Ты представляешь? В супергероя мать его! А ты в курсе что запись с броневика оказалась в сети, и мы до сих пор ее не можем прибить полностью? Прекрасное видео, где ногу героя полицейского жрет крыса-киборг, что будто прямиком выскочила из столь же дешевых, как и комиксы фильмов... А ты в курсе, что у Вертинского появилась небольшая армия восторженных почитателей? И что эта армия растет прямо сейчас, пока мы тут в себя приходим?

– Да чтоб их...

– Да и плевать! – отрезал Сальвати, забирая бокал с водой – Плевать! Эта тварь жива лишь по стечению обстоятельств. Как только дознаватели исчезнут – я исправлю ситуацию.

– Они вмешиваются в ход расследования. Подняли все архивы.

– Плевать – уверенно повторил Сальвати – Дознаватели явились сюда не за Вертинским. Им был нужен Лурье и еще кто-то. Да пусть ищут! Пусть выгрызут пару кусков городской плоти – плевать! Как только они получают от нас все, что хотели – они запрыгнут в долбаный крейсер и умотают отсюда. И вот тогда я разберусь с мятежом за сутки, после чего загоню туда чистильщиков с давно простаивающими мо-

бильными крематориями... Ты меня знаешь, Томас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.